

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-4-1212-1224>

EDN: KRDRLG

Научная статья / Research Article

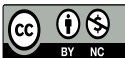
Социально-философские теории и практики социетальной безопасности Скандинавских стран: сравнительный анализ

М.С. Топчиев

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, Астрахань, Россия
 mstopchiev@ya.ru

Аннотация. В исследовании предпринимается попытка провести сравнительный социально-философский анализ концептуальных представлений о социетальной безопасности, ее функциях и практиках в Скандинавских странах после холодной войны, когда традиционные стратегии безопасности, уделяющие основное внимание геополитике, конкретным угрозам, связанным с войной, и территориальной обороне, дополняются новыми пониманиями «угроз» и необходимого спектра государственных действий для их устранения. Важными становятся стратегии «устойчивости», «управления рисками», «кризисами» или «чрезвычайными ситуациями», отвечающими за фактор целостности социума. В Скандинавских странах на первый план выходит необходимость обеспечения социетальной безопасности, связанной с развитием общества социального благополучия. Схожесть социально-философской теории и практики обеспечения социетальной безопасности позволяет говорить о возможном существовании собственной, скандинавской системы обеспечения социетальной/комплексной безопасности, об особых, скандинавских ценностях и способах их защиты. В исследовании показано, что скандинавский способ обеспечения безопасности сложился на основе «скандинавской модели», основанной на социализации и интеграции, а основа нового социально-философского понимания безопасности заключалась в готовности к широким действиям: от военного вторжения до экологических угроз, антропогенных катастроф и террористических атак. Однако общепринятой трактовки социетальной безопасности среди скандинавских стран так и не сложилось, каждая из стран имеет свои особенности. Выявление этих особенностей и является целью представленной работы, в которой предпринята попытка ответить на вопрос – возможно ли говорить о существовании особого, «скандинавского способа» осмысления и обеспечения безопасности. Для этого был проведен сравнительный социально-философский анализ концепций безопасности, их формулировок, а главное – практических действий по обеспечению социетальной безопасности в государствах Скандинавского полуострова на примере Швеции, Норвегии, Дании и Финляндии.

© Топчиев М.С., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: холодная война, тотальная оборона, государство всеобщего благосостояния, стратегии безопасности, социетальная безопасность, скандинавские ценности, «скандинавская модель», «скандинавский способ», угрозы, управление рисками, «оборонная культура»

Информация о финансировании. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00301 «Процесс конструирования новых идентичностей в Каспийском макрорегионе в контексте социетальной безопасности».

История статьи:

Статья поступила 09.05.2024

Статья принята к публикации 01.09.2024

Для цитирования: *Топчиев М.С.* Социально-философские теории и практики социетальной безопасности Скандинавских стран: сравнительный анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2024. Т. 28. № 4. С. 1212–1224. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-4-1212-1224>

Theories and Practices of Societal Security in the Scandinavian Countries: A Comparative Analysis

Mikhail S. Topchiev

Astrakhan Tatishchev State University, Astrakhan, Russia

 mstopchiev@ya.ru

Abstract. The research attempts to conduct a comparative analysis of conceptual representations of societal security, its functions and practices in Scandinavian countries after the Cold War, when traditional security strategies focusing on geopolitics, specific war-related threats, and territorial defense are overlaid with new understandings of “threats” and the necessary range of state actions to address them. Strategies of ‘resilience’, ‘risk management’, ‘crisis’ or ‘emergency management’ become important. In the Nordic countries, the need for societal security is coming to the fore, linked to the development of a social welfare society. The similarities in the theory and practice of societal security allow us to speak about the possible existence of own, Scandinavian system of societal/complex security. Our investigation shows that the Scandinavian way of ensuring security was formed on the basis of the “Scandinavian model”, founded on socialization and integration, and the basis of the new socio-philosophical understanding of security was readiness for broad actions: from military invasion to environmental threats, man-made disasters and terrorist attacks. However, a generally accepted interpretation of societal security among the Scandinavian countries has not yet developed; each country has its own peculiarities. However, differences are as common as similarities. Although there are undoubtedly special, Scandinavian values and ways to protect them. Identification of these peculiarities is the purpose of the presented study, which attempts to answer the question whether it is possible to speak about the existence of a special, “Scandinavian way” of conceptualizing and ensuring security. For this purpose, it is necessary to conduct a comparative analysis of security concepts, their formulation, and, most importantly, practical actions to ensure societal security in the states of the Scandinavian Peninsula on the example of Sweden, Norway, Denmark and Finland.

Keywords: Cold War, total defense, welfare state, security strategies, societal security, Scandinavian values, “Scandinavian model”, “Scandinavian way”, threats, risk management, “defense culture”

Funding of Sources. The study was carried out by a grant from the Russian science foundation No. 22-18-00301 “The process of constructing new identities in the caspian macroregion in the context of societal security”.

Article history:

The article was submitted on 09.05.2024

The article was accepted on 01.09.2024

For citation: Topchiev MS. Theories and Practices of Societal Security in the Scandinavian Countries: A Comparative Analysis. *RUDN Journal of Philosophy*. 2024;28(4):1212–1224. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2024-28-4-1212-1224>

Введение

Современный мир находится в сложной ситуации геополитической турбулентности, которая обостряет многие социальные, культурные, антропологические кризисы, что приводит к необходимости анализа и концептуализации новых видов безопасности. Важнейшей среди них становится безопасность социетальная, которая рассматривается как способность общества «сохранять свой сущностный характер в изменяющихся условиях и под влиянием возможных и реальных угроз, что означает устойчивое развитие традиционных паттернов языка, культуры, сообщества, религиозной и национальной идентичности и обычая» [1. С. 193]. То есть, по-прежнему в силе остаются все традиционные стратегии безопасности, направленные на решение конкретных угроз, связанных с войной и проблемами территориальной обороны. Однако после окончания холодной войны само понимание «угроз» и необходимого спектра государственных действий для их устранения начинает меняться. Дискурсы, практики и технологии все больше связываются уже не с традиционными оборонными или военными практиками, а со стратегиями «комплексной безопасности», предполагающей «устойчивость», «управление рисками», «кризисами» и «чрезвычайными ситуациями». Это в корне меняет представление о способах обеспечения безопасности и предполагает иной тип реагирования общества на угрозы, вовлекая в этот процесс широкий круг участников – от государственных учреждений до частных образований, включая отдельных граждан.

Такой пересмотр происходит практически во всех странах, в том числе и в Северной Европе. Исследования безопасности затрагивают не только конкретные оборонные мероприятия, но и выстраивают модели возможных угроз и действий по их секьюритизации. Здесь важным оказывается понимание взаимодействия и взаимообусловленности ценностей общества и действий правительства, технологий безопасности и поведения субъектов, а также легитимного управления безопасностью.

В исследованиях по безопасности все чаще начинают анализироваться последствия и влияние «постхолодного» периода, разрабатываются методы обеспечения военной безопасности в отношении гражданских свобод, основных прав и демократической жизни.

Северная Европа включает пять стран – Данию, Норвегию, Швецию, Финляндию и Исландию, которые объединяет не только географическое положение, но и общность исторического развития. Часто можно слышать о специфическом «нордическом» образе жизни, особом, скандинавском пути развития, предполагающем наличие общих ценностей, которые необходимо защищать. Скандинавский подход к обеспечению безопасности предполагал, что скандинавские страны сталкиваются с общими угрозами, обусловленными схожей структурой общества (парламентские демократии и государства всеобщего благосостояния), взаимосвязанными инфраструктурами и общими ценностями¹.

В результате сложилась уникальная «скандинавская модель» с особыми характеристиками: «удаленная географическая позиция (периферия Европы), изначально ограниченные материальные ресурсы (поздняя индустриализация и прагматичная философия развития, которые привели к установлению социальных норм для справедливого распределения ресурсов), эффективные внутренние институты (включая внутривластный консенсус по широкому кругу вопросов, в том числе по помощи развитию), особая общественная модель благосостояния „социального партнерства“, направленная на перераспределение ресурсов, отсутствие колониального наследия, а также трепетное отношение к проблемам окружающей среды и экологии» [2. С. 177].

В период «холодной войны» страны региона «заявили о своей самостоятельной роли в мировой политике, взяли на себя лидерство в формировании повестки дня по вопросам разоружения, защиты окружающей среды, гендерного равенства, урегулирования конфликтов, гуманитарной помощи и помощи развитию» [2. С. 177]. Это стало общей стратегией «солидарности малых государств», направленную на поиск «альтернативного прагматичному подходу других западных стран пути развития в условиях биполярного противостояния» [2. С. 178]. Это время исследователи считают окончательным формированием Скандинавской модели.

В отличие от других стран Европы в Скандинавии просматривается «динамика исторически сложившихся идей, которые находятся в процессе совместного конституирования» [3. Р. 4]. Особенность представленной динамики не столько в новизне (корректировка таких понятий, как «мягкая сила» или «устойчивость» в политике), сколько в наборе примеров для изучения того, «как и в какой степени концепции перемещаются во времени, через границы и в пространстве между исследовательской и общественной сферами» [3. Р. 4].

¹ Haga-deklarationen II. 2013. Режим доступа: www.dsb.no/Global/Internasjonalt/Dokumenter/Haga%20II-erklæringen%204%20juni%202013.pdf (дата обращения: 05.04.2024).

Концептуальное обоснование социетальной безопасности: сходство социально-философских подходов

В научном сообществе социально-философские подходы к проблемам обеспечения социетальной безопасности разделяются на сторонников Копенгагенской школы исследований и тех, кто придерживается более «функционалистских» и объективных подходов. Именно последний подход к пониманию социетальной безопасности позиционируется как общий «скандинавский», особенностью которого становится защита базовых ценностей от всевозможных угроз. Такой подход нацелен на участие в обеспечении безопасности государственного сектора с привлечением широкой общественности. Такое видение было принято трансграничными политическими сообществами в Северном регионе и сопровождалось идеей позиционирования «северных ценностей», которые стоит защищать.

В каждой стране Скандинавского региона термин «социетальная безопасность» принят официально, а социально-философские подходы к концептуализации данного вида безопасности методологически достаточно похожи, хотя степень использования все-таки различается: от активного позиционирования термина социетальная безопасность и методов ее реализации в Швеции и Норвегии до незначительного принятия в Финляндии (предпочтение отдается понятию «комплексная безопасность безопасности») и практически полного отказа от данного термина в Дании [4; 5]^{2,3}.

Используемые социально-философские концепции социетальной безопасности формировались под влиянием традиционных оборонных стратегий. Для каждой скандинавской страны ключевое различие заключается в том, заменяют ли новые целостные концепции, связанные с безопасностью общества, традиционные территориальные концепции или они благополучно сосуществуют. Последнее время внимание политиков обращено на глобальную безопасность Скандинавского региона в целом [6], поэтому необходимо выработать общие подходы, однако они более активно проявляются не в тех областях, которые традиционно ассоциируются с безопасностью и обороной, а в государственных стратегиях социальной защиты, что объясняется общими традициями комплексных структур государственного управления – «сверху вниз»: от правительства и парламента через гражданские и военные ведомства к региональным советам и местным муниципалитетам и компаниям.

² Medlemsförslag om ökat nordiskt samarbete om samhällssäkerhet // Nordic Council. Режим доступа: www.norden.org/sv/nordiska-raadet/aerenden/a-1364-presidiet (дата обращения: 05.04.2024).

³ Societal Security in the Nordic Countries // NordForsk. Режим доступа: <https://www.nordforsk.org/> (дата обращения: 05.04.2024).

Взаимосвязь практики безопасности с развитием и защитой государства всеобщего благосостояния в Скандинавских странах: социально-философский анализ

Основу концепции социетальной безопасности составляет исторически сложившаяся модель благосостояния, в которой система социального обеспечения дублирует организацию национальной обороны. Например, понятие «тотальной обороны» на политико-бюрократическом языке означало, что «практически все аспекты общественного планирования и предоставления государственных услуг в мирное время должны быть интегрированы в оборонную политику и согласованы с целями обеспечения готовности к войне» [3. Р. 7]. То есть все общественные структуры приобретают «военное измерение» и, продолжая выполнять обычные задачи, начинают учитывать возможность вражеского вторжения, разрабатывая оборонные сценарии. Из-за такого своеобразного переплетения благосостояния и обороны доверие граждан к органам власти и силовым структурам традиционно велико. В тоже время такая глубоко укоренившаяся практика «оборонной культуры» практически препятствует обращению к иным формам обеспечения безопасности и, тем более, заимствованию опыта других европейских стран.

Своеобразными являются и отношения в сфере безопасности в скандинавских странах. Например, в США и Великобритании стандартной практикой является передача функций охраны порядка и наблюдения этим частным фирмам (G4S, ADT или DynCorp). В Скандинавии, напротив, частные охранные фирмы не могут конкурировать с государственными структурами и привлекаются государством в рамках государственно-частного партнерства (ГЧП) [3. Р. 8].

В большинстве скандинавских стран после окончания холодной войны меры реагирования и ответственность за обеспечение безопасности были отданы на рассмотрение муниципальным органам власти при сохранении сильной позиции центрального правительства. Например, в Норвегии «безопасность» стала все больше ассоциироваться с предоставлением социального обеспечения. Такой подход к охране общественного порядка сильно отличается от методов США и Великобритании, опирающихся на логику исключительности и политику страха. Работа по обеспечению безопасности в странах Северной Европы, как правило, основана на политике социализации и интеграции.

В Скандинавии доминирует концепция «обеспечения безопасности во имя общества». Зародился такой подход еще до окончания холодной войны. Теоретически он был обоснован в работах норвежского социолога Я. Ховдена (2004), в которых внимание уделялось концептуализации безопасности в терминах «выживания и восстановления жизненно важных функций общества» [7. Р. 637], а также в работах шведского политолога Б. Санделиуса, который первым назвал безопасность «жизненно важной функцией» [8. Р. 25]. То есть

безопасность призвана обеспечить функционирование общества в любых условиях, а поэтому она должна охватывать все инфраструктуры. Это целостное, или «всеопасное», мышление безопасности [4. Р. 10], или популярная в правительственных кругах стратегия «всех опасностей».

Функционалистская версия безопасности общества быстро перешла из академической сферы в практическую. В Швеции и Норвегии такая версия обеспечения безопасности была фактически одинаковой. Шведские и норвежские ученые параллельно проводили «исследования уязвимости» в 1999–2001 гг., консультативные группы встречались и обменивались конкретными идеями, в их итоговых отчетах использовались очень схожие терминология и организационные принципы антикризисного управления и обеспечения безопасности.

Шведская стратегия «Безопасность в новую эпоху» (SOU 2001) и норвежская концепция «Уязвимое общество» (NOU 2001), финская разработала стратегию национальной безопасности по «защите критически важных функций общества»⁴, датское «исследование уязвимости»⁵ наглядно демонстрировали пересечение идей, использование одинаковых терминов и практических ориентаций.

Суть обновленного социально-философского понимания безопасности заключалась в готовности к широким действиям: от военного вторжения до экологических угроз, антропогенных катастроф и террористических атак. Такое понимание проблемы привело лидеров скандинавских стран к тесному сотрудничеству в этой сфере. В 2005 г., например, в Совете Северных Стран было предложено «сделать социетальную безопасность отдельным направлением работы Совета, поскольку новые угрозы и угрозы, связанные с социетальной безопасностью, становятся все более актуальными»⁶. Даже Исландия, которая на протяжении практически всего XX в. в военном отношении сильно зависела от НАТО и США, оценила новые походы по управлению кризисами и поддержала понятие «Северная общественная безопасность».

«Скандинавская модель безопасности» была озвучена в докладе премьер-министра Норвегии Й. Столтенберга (с 2014 г. – Генеральный секретарь НАТО) на внеочередной встрече министров иностранных дел Северных стран (февраль, 2009). В докладе представлены предложения, направленные на укрепление сотрудничества между странами Северной Европы прежде всего в сфере обороны и безопасности: «создание совместных морских сил

⁴ Security Strategy for Society 2017. Ministry of Defence Finland. Режим доступа: https://turvallisuskomitea.fi/wp-content/uploads/2018/04/YTS_2017_english.pdf (дата обращения: 05.04.2024).

⁵ Ministry of Defence Denmark 2019. “Collective Emergency Preparedness”. Режим доступа: <https://fmm.dk/eng/allabout/Pages/Collectiveemergencypreparedness.aspx> (дата обращения: 05.04.2024).

⁶ Medlemsförslag om ökat nordiskt samarbete om samhällssäkerhet // Nordic Council. Режим доступа: www.norden.org/sv/nordiska-raadet/aerenden/a-1364-presidiet (дата обращения: 05.04.2024).

быстрого реагирования, ледокольного флота, амфибийного подразделения, сил гражданской обороны по борьбе с природными техногенными катастрофами, единой ресурсной системы для борьбы с кибератаками, спутниковой группировки (три спутника) для осуществления морского и воздушного мониторинга, объединенной системы подготовки кадров для указанных служб» [9. С. 43].

В апреле того же года был инициирован межминистерский «процесс Хага», направленный на дальнейшую координацию политики Северных стран в области управления кризисными ситуациями и социетальной безопасности. Эта инициатива привела к принятию двух политических деклараций, в которых министры обороны, юстиции и внутренних дел пяти северных стран отметили, что основой сотрудничества Северных стран стали общие ценности, культурная и географическая близость, что «приносит пользу всем странам Северной Европы и повышает способность действовать в различных международных контекстах»⁷.

В октябре 2019 г. была официально принята обновленная Стратегия Северного совета по безопасности общества, предлагающая «дать лидерам четкий мандат, когда речь идет о сотрудничестве Северных стран в области внешней политики и политики безопасности, включая сотрудничество Северных стран в области социетальной безопасности и чрезвычайного планирования»⁸.

Иными словами, на социально-философском и социально-политическом уровне была сделана попытка разработать формулировку «скандинавской безопасности». Интерес представляют попытки согласования терминологии и организационных принципов при принятии законов, обеспечивающих социетальную безопасность, которые законодатели скандинавских стран обязаны учитывать, а также использовать то, что уже существует в других странах Северной Европы.

Еще одним аспектом становятся совместные научные исследования в области социетальной безопасности. Важную роль играют прикладные социально-философские исследования и изучение «передового опыта» антикризисного управления. В скандинавских странах постоянно проводились научные конференции и семинары, ориентированные на политику, в ходе которых специалисты-практики, государственные служащие, политические консультанты и исследователи обсуждали «общие модели безопасности», сконструированные на основе, как принято было считать, социетальной безопасности. Так, анализируя безопасность общества в глобально

⁷ Haga-deklarationen I. Nordiskt ministermöte rörande samhällsskydd och beredskap, 2009. Режим доступа: [www.fmn.dk/nyheder/Documents/Deklaration%20Hagadeklarationen%20slutlig%20\(4\).pdf](http://www.fmn.dk/nyheder/Documents/Deklaration%20Hagadeklarationen%20slutlig%20(4).pdf) (дата обращения: 05.04.2024).

⁸ Nordic Council strategy on societal security. Adopted at the Session of the Nordic Council, Stockholm, 30 October 2019. Режим доступа: <https://www.norden.org/en/publication/nordic-council-strategy-societal-security> (дата обращения: 05.04.2024).

интегрированной Северной Европе, Б. Санделиус [10] взял на себя инициативу по созданию специальной программы научных исследований в области социетальной безопасности стран Северной Европы.

В результате таких действий в научный оборот вводится понятие «скандинавская модель общественной безопасности». Допускается даже мысль, что продвижение так называемой «скандинавской модели» имело своей целью создать видимость конвергенции стран и навязать чувство общности. Данная модель представляла собой скорее социально-философское видение того, какой должна быть безопасность Северной Европы. В действительности же, при видимом сходстве социально-философских концепций подходы к обеспечению безопасности в скандинавских странах были различны.

Таким образом, в скандинавских странах под влиянием сходного исторического развития сложилось относительно общее представление о социетальной безопасности, которое отличается от остальных стран Европы. Это подтверждает появление термина «северная социетальная безопасность». Тем не менее, практики по обеспечению социетальной безопасности в 5 странах Скандинавии разнятся. Например, в Норвегии термин «социетальная безопасность» стал основополагающим, в то время как в Швеции он практически отождествлялся с «кризисным управлением», «готовностью к чрезвычайным ситуациям» или «гражданской защитой» [3. Р. 15].

В Финляндии социетальная безопасность общества виделась как «комплексная безопасность», «защита населения», «защита от угроз», «защита от несанкционированного доступа» и т.д., что оказало значительное влияние на реальную практику обеспечения безопасности на местах.

В Дании концепция социетальной безопасности так и не прижилась, хотя некоторые родственные концепции и практики со временем появились в Министерстве обороны.

Северный Совет использовал скандинавскую модель общественной безопасности в качестве идеи, объединяющей страны региона. Однако даже при беглом ознакомлении с дискурсами и практиками в области безопасности в регионе можно заметить, что социетальная безопасность и практики ее воплощения в пяти странах Скандинавии трактуются по-разному.

Расхождения обусловлены как политико-административными разногласиями, так и историческими традициями, связанными с оборонным планированием и готовностью к войне. Швеция, Норвегия и Финляндия вкладывали значительные средства в обеспечение готовности к войне, включая как гражданскую оборону, так и производство вооружений и разработали «тотальные» или комплексные модели обороны. А вот Дания занималась этими вопросами в меньшей степени, хотя именно Дания вместе с Норвегией раньше других взяли на себя обязательства по вступлению в трансатлантические военные союзы типа НАТО, Финляндия вступила в альянс в 2023 г., а Швеция – в 2024-м. Наблюдаются различия и в отношении Евросоюза: Дания, Швеция и Финляндия являются членами ЕС, а Норвегия и Исландия нет.

Для лучшего понимания сходств и различий в скандинавских социально-философских дискурсах безопасности, их истоков и связанных с ними практик необходимо учитывать три важнейших параметра:

– способы «изучения и определения безопасности через дискурсы, практики, акторов (государственных и частных, гражданских и военных), технологии (системы оповещения, алгоритмические калькуляторы), политику в каждой конкретной стране» [3. Р. 16];

– динамику в исторической перспективе, т.е. изучение того, как возникли современные дискурсы и практики безопасности;

– как «делается» безопасность в каждой из Скандинавских стран. Изучение подходов к безопасности очень важно, но не менее значимо понимание практической роли и функции таких важных параметров, как легитимность, эффективность и сплоченность общества в условиях порождения небезопасности и новых политических парадигм [3. Р. 17].

Поэтому политика безопасности в странах Северной Европы, с одной стороны, отражает в целом схожие социально-философские концептуальные установки: широкий взгляд на угрозы, само общество как объект безопасности. Но, с другой стороны, существуют и различия в дискурсах и практиках, как на отраслевом, так и на национальном уровнях, а также различия в политических процессах, в ходе которых они возникают.

Заключение

Таким образом, в Скандинавском регионе выработано достаточное количество социально-философских и политических концепций обеспечения безопасности, от социетальной безопасности в Швеции и Норвегии до «комплексной» безопасности в Финляндии. Отмечается широкое использование понятия «устойчивость» в странах Северной Европы или расширенный дискурс «неопределенности» в Дании.

Совместная работа по обороне в период холодной войны способствовала сближению всех слоев населения, начиная от государственных чиновников и заканчивая обычными гражданами. Это сформировало у населения «волю к участию в обороне страны» [3. Р. 226] и облегчило в дальнейшем принятие концепции социетальной безопасности. В результате действий правительств Скандинавские страны отличаются высоким уровнем доверия населения по отношению к власти.

От многих стран Скандинавию отличает сам их подход к безопасности. В США основное внимание уделяется внутренней безопасности, особенно после 2001 г. в русле «войны с терроризмом», а участие граждан в повседневной работе полиции, как правило, навязывается населению с помощью различных информационных кампаний, типа «если ты что-то видишь, скажи об этом» [3. Р. 228]. Скандинавские страны основное внимание уделяют социальному благополучию, а террористическая угроза воспринимается не как

«некий изначально насильственный и неконтролируемый феномен, а как проблема, которая может быть предотвращена и решена путем социализации, интеграции и заботы» [11. Р. 99]. Поэтому американский вариант безопасности, основанный на принудительных мерах, здесь не прижился и по мере развития концепции социетальной безопасности в 2000-х гг., в центр проблемы безопасности ставились жизненно важные функции общества.

Когда мы говорим о наличии общих черт в подходах к социетальной безопасности в исследуемом регионе, можно сказать, что это обеспечивается одной из фундаментальных основ понятия «социетальная безопасность» – устойчивость коллективной идентичности [12. С. 57]. Говоря о скандинавских странах, мы можем вслед за исследователями гуманитарного направления употреблять некое обобщенное понятие – «скандинавская идентичность», которая, собственно, и является цементом этой устойчивости и основным компонентом региональной социетальной безопасности. Некому обобщенному взгляду на безопасность способствует и тот факт, что общими чертами скандинавских стран традиционно в последние десятилетия считаются фактор благополучия и самый высокий индекс счастья.

Когда же речь заходит о конкретизации жизненно важных функций, скандинавские страны существенно расходятся. Даже само понимание и применение «социетальной безопасности» различаются. Швеция взяла на вооружение доктрину социетальной безопасности в официальной политике, Норвегия практикует стратегию социетальной безопасности вместе с концепцией «кризисного управления», Финляндия предпочитает термин «тотальная» безопасность, Дания, по сути, от признания социетальной безопасности отказалась, но скрыто использует некоторые ее формы.

С методологической точки зрения выявление сходства и расхождений очень важно для понимания сути подходов к пониманию Швецией, Норвегией, Данией, Исландией и Финляндией социетальной безопасности, каким образом они формулируют социетальную безопасность и действуют в соответствии с этой формулировкой.

Это показывает, что «язык, дискурсы, концепции всегда контингентны и обусловлены социальными отношениями и структурами, через которые действуют акторы на практике» [3. Р. 227]. То есть даже концептуально социетальная безопасность является «подвижной и неопределенной, а иногда работает как своего рода форма, которую практики, политики, ученые могут наполнять своим содержанием для достижения определенной цели или решения определенных задач» [13. Р. 108].

Социетальная безопасность не отделена от политических процессов. Она, по сути, сама по себе является политикой: сам термин уже предполагает определенные ценности, которые необходимо защищать. Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов использование данного термина в целях пропаганды и поддержки одних властных структур и лишения легитимности других.

В последние годы в Скандинавских странах отмечается возвращение к политике территориальной безопасности, милитаризации и безопасности, основанной на угрозах, что проявляется в переходе от концепций социетальной безопасности к концепциям «всех опасностей» и «всего общества». Надо сказать, что данная тенденция вышла за пределы Скандинавского региона и распространяется по всей Европе.

Сегодняшняя политическая обстановка заставила европейские страны, в том числе и Скандинавию, вновь обратиться к концепции «тотальной обороны», но в ее модифицированной версии «Тотальная оборона 2.0». Поэтому остается наблюдать и изучать, какую именно роль будет играть социетальная безопасность в геополитически ориентированном и потенциально милитаризованном будущем.

Список литературы / References

- [1] Чудинов С.И. Проблема дифференциации и взаимной детерминации различных уровней безопасности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. Т. 12. № 62. Ч. 4. С. 191–195.
Chudinov SI. The problem of differentiation and mutual determination of various levels of security. *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice*. 2015;12(62):191–195. (In Russian).
- [2] Растольцев С.В. Скандинавская специфика в содействии международному развитию // Современная Европа. 2019. № 5. С. 176–184. <https://doi.org/10.15211/soveurope520195362>
Rastoltsev SV. Scandinavian specificity in international development assistance. *Modern Europe*. 2019;(5):176–184. (In Russian). <https://doi.org/10.15211/soveurope520195362>
- [3] Larsson S, Rhinard M. *Nordic Societal Security: Convergence and Divergence*. Paris, London and New York: Routledge/Taylor & Francis Group; 2021.
- [4] Blossing U, Imsen G, Moos L. *The Nordic Education Model 'A School for All' Encounters Neo-Liberal Policy*. Dordrecht: Springer; 2014.
- [5] Lundin P, Stenlås N. Technology, State Initiative and National Myths in Cold War Sweden: An Introduction. *Science for Welfare and Warfare: Technology and State Initiative in Cold War Sweden*. Sagamore Beach, MA: Science History Publications; 2010. P. 1–34.
- [6] Mead RW. The Return of Geopolitics: The Revenge of the Revisionist Powers. *Foreign Affairs*. 2014;93(3):65–78.
- [7] Hovden J. Public Policy and Administration in a Vulnerable Society: Regulatory Reforms Initiated by a Norwegian Commission. *Journal of Risk Research*. 2004;7(6):629–641. <https://doi.org/10.1080/1366987042000192228>
- [8] Sundelius B. A Brief on Embedded Societal Security. *Information & Security*. 2005;17:23–40.
- [9] Коньшев В., Сергунин А. Страны Северной Европы: будет ли общая арктическая стратегия? // Современная Европа. 2012. № 2. С. 35–43.
Konyshev V, Sergunin A. Strany Severnoj Evropy: budet li obshchaya arkticheskaya strategiya? *Sovremennaya Evropa*. 2012;(2):35–43. (In Russian).

- [10] Sundelius B. Samhällssäkerhet i det globalt invävda Norden. *Nordisk Tidsskrift*. 2007;83(1):21–28.
- [11] Larsson S. A First Line of Defence? Vigilant Surveillance, Participatory Policing and the Reporting of “Suspicious” Activity. *Surveillance & Society*. 2017;15(1):94–107.
- [12] Романова А.П. Концепция социетальной безопасности: теория, дискуссия и каспийские перспективы // *Caspium Securitatis: журнал Каспийской безопасности*. 2021. Т. 2. № 1. С. 55–65.
Romanova AP. The concept of societal security: theory, discussion and Caspian perspectives. *Caspium Securitatis: Caspian Security Journal*. 2021;2(1):55–65. (In Russian). <https://doi.org/10.21672/2713-024X-2021-1-1-055-065>
- [13] Larsson OS. *In the Name of Society: The Branding of Swedish Civil Security Technologies and Their Exclusionary Effects: dissertation. Thesis (Ph.D.)*. London: King’s College (University of London); 2019.

Сведения об авторе:

Топчиев Михаил Сергеевич – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения проблем комплексной безопасности каспийского макрорегиона и противодействия терроризму и экстремизму, Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева, Российская Федерация, 414056, Астрахань, ул. Татищева, д. 20А. ORCID: 0000-0001-8296-6631. SPIN-код: 4763-1579. E-mail: mstopchiev@ya.ru

About the author:

Topchiev Mikhail S. – Candidate of Political Sciences, Leading Researcher at the Center for Studying the Problems of Complex Security of the Caspian Macroeconomy and Countering Terrorism and Extremism, Astrakhan Tatishchev State University, 20A Tatishcheva St., Astrakhan, 414056, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-8296-6631. SPIN-code: 4763-1579. E-mail: mstopchiev@ya.ru